

СТРУКТУРА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО АКТА: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ильин Виктор Васильевич*, доктор философских наук, профессор, vvilin@yandex.ru,

Мамедов Азер Агабала оглы*, кандидат философских наук, доцент, azertamedov@mail.ru,

Бирюкова Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, sek-mgtu@mail.ru, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» Калужский филиал, г. Калуга, Российская Федерация,

Мюллеринен Елена Александровна, аспирант, eam@bmstu.ru, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» ИСОТ (Институт современных образовательных технологий), Москва, Российская Федерация,

Платонов Виталий Васильевич*, аспирант, v.v.platonov@inbox.ru, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева», Москва, Российская Федерация

В статье анализируется мыслительный процесс, который сам по себе невербален, но субстанциально зависит от последующего процесса представления мысли в языке общения – порождения и рецепции речи. В предельном отношении объективация языком мышления инспирирует развертывание концептосферы – объемной мыслительной тематизации реальности через призму образительно-выразительного потенциала языка, специфицируемого герменевтической процедурой. Авторы подчеркивают созидательный, а не регистрирующий характер понимания, протекающий из формобразующего символического связывания идеи с вещью: чувственно-действительное, образ как таковой служит непосредственным возведением и зримостью идеи, придающей ему смысловую определенность. Герменевтическая процедура – особый тип искусства, развивающийся из потребности устанавливать смыслы, приписывать значения неоднозначно фиксируемым идеям, многозначным, многосмысленным выражениям, символам, знакам. Оттачивание техники истолкования символических форм питается необходимостью понимания тайных практик уловления высшей потусторонней воли; полумистический опыт оракульта, предреkania, прорицания в вариантах пророческого, сакрального, оккультного сознания, институционализованного в жреческой, священнослужительской, вероучительской, окормляющей, шаманской, ведической деятельности; «священных писаний», к тексту которых в силу иносказательности недопустимо относиться прямолинейно – как к прозрачно выполненным сочинениям; шифрованных символосодержащих «прозрений» – «Столетия» Нострадамуса; тропных текстов – воплощений fiction; формальных знаковых исчислений, востребующих для надления содержанием (установления непротиворечивости) сопоставления с предметно-смысловыми областями (системами, теориями).

Ключевые слова: язык, сознание, понимание

Герменевтическая процедура – особый тип искусства, развивающийся из потребности устанавливать смыслы, приписывать значения не-

однозначно фиксируемым идеям, многозначным, многосмысленным выражениям, символам, знакам. Оттачивание техники истолкования

символических форм питается необходимостью понимания:

- тайных практик уловления высшей потусторонней воли – полумистический опыт оракульта, предреkania, прорицания в вариантах профетического, сакрального, оккультного сознания, институционализованного в жреческой, священнослужительной, вероучительной, окормляющей, шаманской, ведической деятельности;

- «священных писаний», к тексту которых в силу иноказательности недопустимо относиться прямолинейно – как к прозрачно выполненным сочинениям;

- шифрованных символосодержащих «прозрений» – «Столетия» Нострадамуса;

- тропных текстов – воплощений fiction;

- формальных знаковых исчислений, требующих для наделения содержанием (установления непротиворечивости) сопоставления с предметно-смысловыми областями (системами, теориями).

В данных и однопорядковых им случаях истолкование-интерпретация (разъяснение) – выступает орудием задания смысла, наделения значением символических (формально-знаковых) выражений.

Искусство истолкования – искусство перевода (трансляции) символически представленных мыслей с одного – неопределенного, неясного – языка на другой язык, способ представления мыслей которого определен, ясен. При налаживании такой трансляции руководствуются следующими правилами:

- идеальные правила логики: а) экстенционала – использованием конкретизаторов, локализаторов добиться сопоставления единиц (формулы, записи) символического языка с конкретными объектами – техники уподобления имен остенсивам, декриптам (привязка к предметному деиксису); в) интенционала – использованием специальных условий добиться приписания объектам фиксированных предикатов (соблюдение смыслового деиксиса);

- идеальные правила культурологии: а) обеспечение в истолковании гуманитарных явлений (текстов) аутентичности авторских значений, смыслов (требования источниковедения); в) обеспечение в истолковании того же исторической, эпохальной правды (недопущение актуализма, презентизма).

На деле, что очевидно, и в логике, и в культурологии не существует предпосылок выпол-

нения данных руководящих правил. Свойством экстенсивности обладают далеко не все повествовательные синтаксические конструкции (лишь отвечающие свойству подстановочности в возможных преобразованиях, т.е. сохраняющие отношение равнообразности – тождественности по истинностному значению). Свойство интенциональности (в виде сформулированного идеального правила) трудно выполнять с учетом зависимости истинностного значения от психологических, прагматических, модальных оттенков смысла. Свойство аутентичности истинностных значений подрывается привнесением дополнительных смыслов – следствие автономной трактовки явлений (текстов) ориентацией не на подлинные, а собственные доминанты (как темпоральные, так и эпохальные). Итог – мультипликация смыслов, значений; кризис безотнositельной хронологии, от чего – шаг до релятивизирующей стандарты умственной нормологии софистики, методологии постмодернизма (утрирование феномена «смерть автора»), плюрализации любого понимания.

Представляющая важное неудобство кажущаяся безопорность понимания в ранге философской пылкости получает отзыв схемой «понимание – страдание», поскольку с каждым привходящим взглядом наша душа изменяется так, что приобретает другие модусы мышления, которых раньше не имела, да и не могла иметь [9, с. 136].

Идеал понимания – схватывание предмета либо в чувственной непосредственности (эмпиризм) – прямое сенсительное узрение; либо во внечувственной опосредствованности – в созерцательной интеллектуальности: прямое эйдетическое (рационализм), интеллигибельное (интуитивизм) узрение. Как видно, утрируется созерцание в чувственном или сверхчувственном значении, дающее удостоверение «действительности бытия и бытия такого, как оно есть» [6, с. 188].

«Созерцательная интеллектуальность – интеллектуальная созерцательность», – гносеологический хиазм, объемлющий всю полноту умиротворения гносеологического хилизма... Во неисполнение эмоционализированного ритуала дело требует специального уяснения существа «созерцания» как инструмента внешнего и внутреннего обозрения и прозрения природы вещей.

Акт созерцания многосоставный, включает следующие элементы:

- (а) установление объекта внешнего или внутреннего просмотра;

(в) сосредоточение на нем;

элементы (а) – (в) – рецептивный темп созерцания, нацеленный на отграничение материи чувственного (внешнего или внутреннего) освоения.

(с) переживание объекта;

(d) придание «формы» переживанию согласно направляющей идее.

Элементы (с) – (d) – продуктивный (творческий) темп созерцания, нацеленный на свободную трактовку, суверенную стилизацию обозреваемого (материи внешнего или внутреннего чувства).

Вывод, к которому мы приходим, формулируется так: созерцание не только (или даже не столько) рецептивный, но и (сколько) продуктивный процесс. Оно есть симультанное восприятие – переживание и вещи, и идеи, – представление воплощения идеи в вещи и выражения вещи через идею. Представление, что идея пребывает в непосредственной реальности вещей и может быть воспринята, – заостряет Зimmel, – не что иное, как объективированное выражение для определения продуктивности созерцателя (художника, ученого, поэта, – символического агента, любой разновидности fiction), преемственный акт которого уже является образованием формы.

Что в результате? Разочарование после взятия, казалось бы, самой приступной высоты пологого пика созерцания, оказавшегося наполненным запутанными хитросплетениями формообуславливающих идейных отягощений.

Между тем главное достигнуто: развенчана иллюзия прозрачности, опосредствованности созерцания; добыто знание принципиальной отличности второсигнального-символообразного от первосигнального – рефлексообразного чувственного созерцания. Одно стилизирующее – насыщает эстетизм эйдетической продуктивностью; другое копирующее – выхощивает эстетизм натуралистической рецептивностью.

В тематизации результата позволительно пойти дальше. Гносеологически крайне важно зафиксировать: понимание – созидательно, а не регистрирующе, проистекает из формообразующего символического связывания идеи с вещью. «Чувственно-действительное, «образ» как таковой, служит непосредственным возвещением и зримостью идеи» [6, с.187], придающей ему смысловую определенность. Тайна понимания суть тайна включения в эстетическое эйдетического, вложения в чувственно-образное идейного, играющего непреходящую роль смыслоупо-

рядочивающего. Смыслоупорядовывающее, – оно и есть нечто самодовлеющее в обозначении неких сверхценностей понимания.

Смысло-образность, равно как и смысло-образность, – реперы понимания, являющегося процессом умственного образования (созидания) смысла из идей. В подобной трактовке природу понимания всего, что ему сопутствует, не передать претендовавшими на доскональность, прецизионность широковещательными, но провальными исследовательскими программами, – такими как формализм, финитизм, логический атомизм, радикальный эмпиризм (варианты универсальной элиминации Т-терминов из дискурса за счет редукции их к протоколам наблюдения). Откуда, между прочим, вытекает банкротство последовательно-всеобъемлющей эмпирической, логической, интуитивной представимости понимания.

Во-первых, понимание многомерно, – задается всем инвентарем дискурсивного и недискурсивного опыта. Во-вторых, гносеологически сюжетики понимания не покрывается сюжетикой эвидентности. Используя соображение Максвелла, мысль можно выразить так: познавательная (научная) правда представима разнообразными (как эвидентными, так и неэвидентными) формами и должна считаться одинаково ценной, будет ли она фиксироваться в прямом и ясном виде живых красок опытной иллюстрации или в непрямом и замысловатом виде символической версификации.

Генеалогически эвидентное способно приближать наступление понимающего, однако функционально не заслоняет и не исчерпывает его. Нерв понимания – устремленность не на очевидное, а на смыслонесущее; на этом основании в гносеологических разработках понимания тема «эвиденция» отступает на задник сцены, освобождает пространство авансцены теме «смыслопорождение», которая сама по себе (психологически конституируемой) эвидентности может быть не релевантна.

Сценография античности – созерцательный квалитативизм; средневековья – тео – и телологизм; нового времени – механицизм и активизм; новейшего времени – органицизм и аксиологизм; всей классической культуры – локализм и объективизм; неклассической и неонеклассической культуры – глобализм и индивидуализм. Фазовые стадийные переходы от одного к другому не имеют шансов обрести адекватную тематизацию в терминах эвидентности, – они об-

ретают ее исключительно в терминах смыслоотнесения, апелляции к смысловой норме (*notitia cognoscendī*), категориальному умонстроению, обеспечивающему протекание «опыта бытия».

Координатная схема представленных ниже рассуждений такова.

1. Все вовлекаемые в духовный опыт предметные отношения *Homo symbolicum* опосредствуют знаковыми отношениями, которые в свою очередь опосредствуются смысловыми отношениями. Смысл – только и исключительно он дифференцирует способы обозначения вещей именами.

2. Отношение имени к предмету – собственно его значение – в символической (знаковой) ситуации задано через смысл. Смысловое опосредствование отношения «имя – объект» (референт имени, денотат) предопределяет перспективу нетривиальных автоморфных знаковых преобразований, позволяя переводить тавтологии «а равнообразно, идентично а» («Вечерняя звезда суть Вечерняя звезда») в квазитавтологии – утверждения типа «а равнообразно, идентично в» («Вечерняя звезда суть Утренняя звезда»).

Тавтология «а эквивалентно самому себе – а ≡ а» – малоинформативна; квазитавтология «а эквивалентно в-а ≡ в» более информативна. «Причина, по которой утверждение «Вечерняя звезда – это Утренняя звезда», – говорит Сёрл, – может нести в себе больше фактической информации, чем утверждение «Вечерняя звезда – это Вечерняя звезда», при том, что референт у используемых... имен один и тот же, заключается в том, что у языковых выражений «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» разные смыслы, и утверждение тождества «Вечерняя звезда – это Утренняя звезда» передает информацию о том, что один и тот же объект обладает разными признаками, определяемыми разными смыслами этих двух выражений» [10, с. 8].

3. Творческая тектоника мыследеятельности обусловлена имманентными преобразовательными смысловыми движениями – разномастными автоморфичными аранжировками – сопоставлениями / противопоставлениями, соположениями / противоположениями символических форм. Задача гносеологической аналитики состоит в распознавании существа производимыми знаковыми аранжировками смысловых трансформаций и комбинаций. Установление смысла имен (слова, предложения, пропозиции) сводится к герменевтической (экзегетической) процедуре. Установление предметного значения

имен (разрешение: как знаковые записи, номинации соотносятся с объектами мира?) сводится к референциальной процедуре – нахождение вещественных коррелятов, приписание истинностных значений.

4. Трансцендентальное формирование понимания предполагает не столько достижение ясного, отчетливого (эвидентного), сколько уяснение принципа, алгоритма смыслопорождения. На данном основании подлежит дискредитации идиомы классической культуры о непосредственных самоочевидных (самодостоверных) свидетельствах сознания и самосознания.

С логической точки зрения это означало бы возможность беспрепятственного перевода имен, пропозиций в остенсивы, дескрипции, что, если не разделять идеологии некоего логического фанатизма, попросту невозможно. С фактической точки зрения это означало бы возможность полной элиминации неоднозначных Т–терминов, что, как продемонстрировал многотрудный опыт неопозитивистских тшаний, также невозможно.

В общем плане правильно иметь в виду: шкала эвидентности духовных символических форм *a priori* не установима; установимы правила порождения смыслов, выражения содержания (в знаковых синтактико-семантических преобразованиях), приобщение к которым способно положительно решить задачу понять другую индивидуальность – «другого» (себе подобного) и иную коллективность – «других» (себе подобных).

5. Понимание как гносеологический (не психологический – «перемещение в чужую субъективность» – Дильтей, Бетти) феномен распознавания смыслов начинается с идентификации – не самоотожествления себя с иным лицом (в силу гуманитарной общности – причастности к родовой организации), – а с экспликации смыслового контента явления (культурного, персонального проявления, текста). Подобная экспликация пакуется в относительно автономные интервалы-ниши.

Номинация. Первичный слой семантической идентификации по номинации влечет феноменологическое понимание. Название, называние вещи не имеет ничего общего с ее природой, – как писал Марк: «Я решительно ничего не знаю о... человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [8, с. 107]. Тем не менее, чувствительность анализирующей мысли при предъявлении номинации «Яков» позволяет уловить некое рас-

пространяющееся смысловое эхо: разумеется а) человек — имя собственное, соотносится с гиперонимом; в) человек мужского пола — имя собственное соотносится с гендером.

Далее представлена детализация фрагментарного смыслового подступа в последующем рефлексивном движении по развертыванию номинации.

Яков — мальчик: соотношение с возрастом (отрок — подросток — юноша). Яков — белый мальчик: соотношение с расой. Яков — ученик: функциональное отнесение. Яков — мой родственник: установление относительности—соотносительности — отношений близости по общности происхождения. Яков — хороший мальчик: введение аксиологической рамки.

Подчеркиваем: по номинации складывается первичная семантическая компаративная картина.

Значение слова. Близкие и дальние контексты, прямые и переносные тексты. Значение слова, — уточняет Виноградов, — определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с его помощью; оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которым принадлежит слово, от общественно обозначенных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания значений [3, с. 65].

«В общежитии пропала кошка — вот такие пироги». Семантический эллипсис а) в подспуде связывает несвязанные общими значениями слова, порождая экстравагантную «смесительную мысль» «пирог с кошкой»; в) в слове «пирог» активирует не прямое «печеное изделие из тонко раскатанного теста с начинкой», а дополнительное «дело» — «вот такие пироги!» значение.

Востребует идентификации нестандартное (лексико-грамматическое) сочетание значений: «создам я королевскую здоровую семью». Что означает фигура «здоровая семья»? Ребенок 8 лет, не умея распознать в «здоровом» переносное значение «крепкий», рекомендует: «здоровая семья» — общность, где «много человек». Особые случаи

— силлепс: объединение неоднородных членов в общем синтаксическом, семантическом подчинении

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн.
(Пушкин);

— метафора-загадка, утрирующая побочное предметное сходство: «У какого верблюда три горба» (нарушение натуральной нормологии)? — «У беременного».

Примеры показывают: номинация, истолкованная как сигнификация, тесно связана со значением слова — денотацией, — а именно: «На основании того или иного выделяемого в денотате признака он включается в определенный класс объектов, для которого в языке имеется закрепленное наименование» (либо формируется наименование из имеющихся языковых элементов) [5, с. 330].

Сигнификативное опосредование позволяет развертывать речевое значение (проводить обозначение новых понятий); развертывать неречевое значение (оформлять понятие объективной принадлежности). Слова обозначают и значат, сочленя языковые и внеязыковые сущности. Поскольку «денотат обладает множеством признаков и отношений к другим объектам и по любому из них он может быть подведен под разные классы объектов и, следовательно, получить разные обозначения, то именно в речи один и тот же предмет может иметь несколько разных имен, которые, не будучи синонимами на уровне сигнификатов, выступают как полные синонимы на уровне денотатов»; «ограниченное множество многозначных знаков в системе позволяет дать неограниченное множество однозначных обозначений неограниченного множества денотатов в речи» [5, с. 331].

Проблема «значение слова» распадается на две: предметность — озабоченность вещественным статусом языковых выражений; референциальность — озабоченность соответствием status regum (SR). Вопрос, какие имена имеют референций — перед лицом посессива, ирреалиса, пропозиций с нулевым денотатом — не имеет умозрительного решения; он разрешается в опоре на слабый (возможность) и сильный (действительность) критерии существования.

Языкознание не обсуждает темы «онтологический статус объектов имен», оно ограничивается обсуждением контента «механизм языковой актуализации» в плане семасиологии (как Балли) и ономасиологии (как Гийом). Полезное рефлексивное достояние языкознания — тематизация сюжета: какие компоненты языковой деятельности способны иметь референтные функции. Полагают, что их имеют понятия, обозначающие конкретные объекты (имена, именные группы), формирующиеся по иерархии типа «быть», т.е.

отображающие отношения включения. Понятия, относящиеся к качествам, действиям (прилагательные, глаголы — предикативные слова), формирующиеся по иерархии типа «иметь», т.е. отображающие отношения пересечения, подобными способностями не обладают.

Слова-субстанции и слова-предикаты лингвистически разнятся, что, однако, при незаинтересованности лингвистики в обсуждении сюжетной линии концептного SR, не позволяет делать далеко идущие гносеологические выводы. Тем более при активном применении принципа свертывания, операций «олицетворение», «антропоморфизация», «метаболизация» и т.п. Остается уповать на «перекрытие» — осуществлять вдохновительный переход от лексической к референциальной и денотативной семантике.

Неязыковое значение. Референциальная, денотативная семантика устанавливает: не все значения слов вещественны; большинство слов многозначно; природа вещей не знакова: в сцепке «знак — значение (денотат)» отсутствует номология связи знака с незнаковостью.

На эссенциальном уровне проясняются не только знаковые, но и сверхзнаковые значения. Таковы простейшие индикаторные законосообразные фиксации: сгущаются тучи — феноменологическая констатация; индикаторная импликация: ожидается снег, дождь. Или: давление стремительно падает — приближается буря.

Усмотрение за языковым неязыковым значения слов позволяет вводить в мыслеоборот сверхсловесные затекстовые причинные зависимости. Установление вещественной принадлежности (референциальности) знаковых формулировок (вокабул) во всех случаях идет апелляцией к внелингвистическим (и добавим — нелогическим) — дескриптивным терминам, отсылающим к реальному обстоянию дел. Выявление значения при синонимии (оценке разных смыслов одного и того же) производится активной адресацией к остенсивам, ситуативным детализаторам, конкретизаторам, локализаторам.

Осмысление неких пограничных — финальных значений, уяснение природы последних — абсолютных «определений», производится введением специальных и специфических систем отсчета — с точностью до принятых предпосылок. Понятие всемерной — безмерной, системы умственного отсчета само по себе фиктивно: любой претендующий на тотальность содержательный ориентир на поверку всегда релятивен, локален. Тематизацией «абсолютов» в контексте

диспозиций динамичных социально-исторических культур озабочивается философия. Осмысленность ее благородного дела, однако, заключается в переосмыслении — процессуальной, никогда не завершаемой рефлексивной проработке актуально наиважнейшего. Всю полноту тематизации последнего дает вся полнота философии. Поскольку добиться ее (полноты), «остановив мгновенье» (прогресс культуры), возможным не представляется, ремесло философствования (при всем мыслимом и немислимом негативизме) неисчезаемо, незавершаемо, неисчерпаемо.

Фонация, мелодика, интонировка, оркестровка, аранжировка — реальность речепроизводства, звукоиспускания. Слои понимания агрегируют разные типы содержательного (смыслового) удостоверения характера общения. Наряду с иными заслуживает внимания улавливаемое слухом артикуляционное значение членораздельных элементов произносимой речи. Присутствие (чередование) тех или иных звуков в словах дифференцирует их значение. Крайне важна фонемная детализация и идентификация звукового состава выражаемых мыслей: дом — том; лечь — речь и пр., трансформирующая существо высказываемого.

Семиотически знак узнается, семантически речь понимается (Бенвенист) за счет концептуальной (интерпретативной) спецификации воспринимаемого звукового материала. Способность пользоваться языком — низший предел понимания; способность адекватно различать звуки в восприятии речи — низший предел контактоустановительного понимания.

Акустический эффект произносимой речи обеспечивают генераторная, резонаторная, энергетическая системы, управляемые произвольным и непроизвольным уровнями регуляции.

Здесь же — использование интонационных средств оформления высказываний, степеней выраженности содержания (прямое — ассоциируемое), заявляющих разряды близости, несущие смысловые указания на доверительные дистанции, куда допускаются контрагенты, *toto saelo* подчеркивающих, отражающих чувства говорящего тон, манера произношения — разоблачающая черта личности.

Мимическое, жестовое, пантомимическое сопровождение (в развернутом виде — кинетический язык), несущее информацию о намерениях, персональных состояниях, настроениях, настроениях коммуникантов, содействующее передаче внутренних интенций (угроза, беспокойство, благорасположение, подчинение, испуг,

миролюбие и пр.). С эволюционной точки зрения поведенческий декор коммуникации есть филогенетическое продолжение самовыражения человеческих предков. С семантической точки зрения телодвижения, спутники интеракции в качестве нелинейного типа причинности умозрительно удостоверяют, оттеняют демонстрацию духовного содержания сквозь словесные сущности. Как хитроумно говорил Уайльд, если хотите узнать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте.

Чувство жизни. Сверхцель человека: жизнепривидеть — усмотреть собственное призвание, уяснить назначение. Далеко не всем удастся примерить титаническую тогу возрожденческого человека, говорящего о себе:

Я — сын эфира, Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век.
(Белый).

Но всем — вне и помимо нового богоявления — приличествует примерять тогу дальновидного просточеловека, без знамений и предчувствований полагающего: цель жизни — в пролонгации жизни, поддержании жизнестроения. «В жизни все дело в самой жизни, а не в ее результате», — настаивал Гете. Именно житейская повседневность исцеляет от «философской меланхолии» (Юм), — жизнь понимаема в прошлом, но проживаема в настоящем и будущем.

Мы оказываемся свидетелями казуса примата цели над содержанием и формой. Это не входящий стандартной рефлексивной обработки эпизод диспаратности самого *факта жизни* — его несравнимости, несоизмеримости, несоположимости с иными *жизненными фактами*.

Факт жизни и жизненный факт — предметы разного порядка, как источающее свет, сияющее и бликующее (блефующее), дающее отблеск света, отраженно-светлое, мерцающее бытие. Хороша здесь адресация к диаде Sein и Schein, несущей противопоставление начал подлинности и иллюзорности, обманчивости, призрачности. Речь, конечно, о фигуральной мнимости как модусе, не могущем заслонять субстанцию. Факт жизни субстанционален, жизненный факт окказионален. Они близки, но не взаимопереходны. Они не синонимируют. Факт жизни воплощается в жизненном факте, но не покрывается и не заслоняется им.

Исключительное судьбическое счастье — претворение в жизненном факте факта жизни: тогда — заклатье хаоса существовательного самотека цельностью, состоятельностью, целеустремленностью персональной реализации. Такое отмечает печать стойкого удовлетворения действительность пророков, подвижников, героев, принимающих на себя тяжелый труд, порой лишения, муки ради достижения высокой цели. Такое отмечает печать счастья жизненный путь в полной мере независимых, не испытывающих стеснения в самопроявлениях, непринужденно действующих людей, живущих автономной целеустремленностью.

Литература

1. *Ильин В.В.* Образование в XXI веке // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 167–169.
2. *Ильин В.В.* Теория познания. Симвоология. Теория символических форм. М., 2013. 384 с.
3. *Виноградов В.В.* Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
4. *Гадамер Х-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. 330 с.
6. *Зиммель Г.* Избранное. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 591 с.
7. *Мамедов А.А.* К специфике философского образования // Вестник научных конференций. 2015. № 3–4. С. 100–101.
8. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1. М., 1955.
9. *Спиноза Б.* Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
10. *Сёрл Дж. Р.* (сост.) Философия языка. М., 2004. 560 с.
11. *Виноградов В.В.* Избранные труды. М.: Наука, 1977.
12. *Шиповская Л.П., Мамедов А.А.* Философия: Классический курс лекций для самостоятельной подготовки к экзаменам и поступлению в аспирантуру. М.: ЛЕНАНД, 2015.

STRUCTURE OF THE HERMENEUTICAL ACT: GNOSEOLOGICAL ASPECT

Viktor V. Il'in, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., vvilin@yandex.ru,

Azer Agabala ogly Mamedov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Prof., azermamedov@mail.ru,

Vitalii V. Platonov, v.v.platonov@inbox.ru,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev
Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Elena A. Biryukova, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Prof., cek-mgtu@mail.ru,
Bauman Moscow State Technical University, Kaluga branch, Kaluga, Russian Federation

Elena A. Myullyarinen, eam@bmstu.ru,
Bauman Moscow State Technical University, Institute of modern
educational technology, Moscow, Russian Federation

The article examines the thought process, which in itself is non-verbal, but is dependent on substantial further process of presenting ideas in the language of communication – the generation and reception of speech. In the limit with respect to the objectification of the language of thinking inspires the deployment of the concept sphere – three-dimensional thinking of the theme of reality through the prism of reflective-expressive potential of the language, specified the hermeneutic procedure. The authors emphasize creative but not the registered nature of the understanding flowing from the formative symbolic linking ideas with the thing: sensually valid, the image itself, serves as a direct proclamation and visibility of the idea, giving it meaning certainty. The hermeneutic procedure is a special type of art, developing out of the need to establish meaning, to attribute to the ambiguous values fixed ideas, meaningful many-thought expressions, symbols, signs. The skills of interpretation of symbolic forms is powered by the need of understanding the secret practices of the snare of the Supreme supernatural will; semi-mystical experience of Oracles, predictions, divination in the embodiments, prophetic, sacred, occult, consciousness, institutionalized in the priestly, doctrinal, caring, shamanic, Vedic activities; “sacred Scriptures” to the text which, because of the allegorical unacceptable to be treated straightforwardly as to transparently executed works; encrypted single storey “insights” – “Centuries” of Nostradamus; topic of texts – fiction incarnations; formal symbolic calculus, needed for the post content (establish consistency) mapping with subject–semantic areas (systems, theory).

Keywords: language, consciousness, understanding

References:

1. **Il'in V.V.**, Education in the XXI century. Vyssee obrazovanie v Rossii, no. 1, 2004, pp. 167–169. (In Russ.).
2. **Il'in V.V.**, The theory of knowledge. The “symbology” there. The theory of symbolic forms. Moscow, 2013, 384 p. (In Russ.).
3. **Vinogradov V.V.**, Selected works. Moscow: Nauka, 1977, 312 p. (In Russ.).
4. **Gadamer, H-G.**, Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress, 1988, 704 p. (In Russ.).
5. **Gak V.G.**, Language conversion. Moscow: Shkola Yazyki russkoi kul'tury, 1998, 330 p. (In Russ.).
6. **Zimmel' G.**, Selected works. Moscow – St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013, 591 p. (In Russ.).
7. **Mamedov A.A.**, To the specifics of philosophical education. Vestnik nauchnykh konferentsii, no. 3–4, 2015, pp. 100–101. (In Russ.).

8. *Marx K.* Capital. Vol. 1. Book 1. Moscow, 1955. (In Russ.).
9. *Spinoza B.*, Selected works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Госполитиздат, 1957. (In Russ.).
10. *Searle George. R.* and others, Philosophy of language. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.).
11. *Shipovskaya L.P., Mamedov A.A.*, Philosophy: Classic lectures to self-study for examinations and admission to graduate school. Moscow: LENAND, 2015. (In Russ.).

<p>Для цитирования: Ильин В.В., Мамедов А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Распознавание смыслов в коммуникативной среде // Сервис plus. Т. 11. 2017. № 2. С. 102-110. DOI: 10.22412/1993-7768-11-2-12. Дата поступления статьи: 17.02.2017.</p>	<p>For citations: I'in V.V., Mamedov A., Biryukova E.A., Myullyarinen E.A., Platonov V.V., Structure of the hermeneutical act: gnoseological aspect. Servis plus, vol. 11, no. 2, 2017, pp. 102-110. DOI: 10.22412/1993-7768-11-2-12. Received on February 17th, 2017.</p>
--	--